

*155 лет назад, 19 января 1865 года
родился художник Валентин Серов*

Это ещё один повод задуматься в судьбу художника, взглянуть-ся в его незабываемые полотна. Каждый портрет кисти Серова с такой точностью высвечивает личность его модели, что в нём можно увидеть прошлое, поразиться настоящему и даже предвидеть будущее. Недаром современники даже опасались Серову позировать. «Портрет Серова» — этим сказано всё! — вот мнение современников: мастеру удавалось найти такие штрихи, детали, черты, которые обычно ускользают от поверхностного взгляда, но неизменно видимы глазу проницательного художника, и передавал он их с поражающей точностью и определённой ясностью. Вся жизнь Серова — поиски правды, истины. Вспоминаются слова К. Коровина: «Может быть, в нём жил не столько художник, как ни велик он был, — сколько искатель истины».

Чем больше я смотрю на произведения Серова, тем больше убеждаюсь, что прямота и честность, серьёзность и искренность были главными особенностями Серова как художника: он никогда не лгал ни себе, ни другим — и в жизни, и в искусстве. Не оттого ли его полотна производят впечатление какого-то волшебного раскрытия человеческой души? «Источник строгой, чистой правды жил в душе этого мастера, правдиво и чисто было его творчество. Серовская художественная правда глубже внешней, кажущейся. Он был наделён даром видеть и в людях, и в природе те скрытые

характерные черты, которые одни делают правдивую в внутреннем смысле картину» (Ф. Комиссаржевский). «Серов — наша гордость, наша слава, первый художник-живописец, один из лучших мастеров наших дней. Серова никогда не забудет Россия до тех пор, пока в нашей стране будет жив хотя один художник» (Нилус). И просто любитель живописи, скромно добавлю я.

Медленно иду по залу. Мимо «Грозного» Виктора Михайловича Васнецова, его «Алёнушки», мимо картонов с росписями для Владимирского собора в Киеве, у-ух! Рерихи, отец, сын, — их немного, — но всё равно любопытно увидеть оригиналы, побывать на высотах духа и мысли великих искусников, лицезреть — изведать их Бога-Человека. В памяти всплывают строки из древней поэзии:

«Если вы хотите Бога увидеть глаза в глаза — // С зеркала души смахните муть смиренья, пыль молвы.// Тогда, Руми подобно, истиною озаряясь, // В зеркало себя узрите: ведь всевышний — это вы.»

И всё же... Простите, но, как ни крути, значительней и важнее для меня являются произведения Валентина Александровича Серова. Замер... Вот они — «Верушка Мамонтова», «Девочка с персиками», «Маша Симонович», «Девушка, освещённая солнцем». А там, дальше, портреты Коровина, Морозова, Юсуповой, Шаляпина. Сотни раз мы, заскорюзлые провинциалы, видели их репродукции в альбомах, книгах, и вот, наконец, оригиналы! — живопись, графика, и самые-самые известные, и те, которые не выставлялись в советское время, всего около трёхсот работ.

Это случилось, «упало с неба» в девяностом, когда, помните? — стране вообще ни до чего не было дела. Но добрые люди смогли-таки разместить экспозицию к 125-летию со дня рождения Серова, пусть не в Третьяковке, рядом — в Инженерном корпусе. Там, за окнами выставки, великая страна шумно, пьяно улетала в счастливое, прекрасное наверняка, далёко... Походил, успокоился (ну их! — суетные кривлянья) и начал неторопливо разглядывать-разгадывать, сравнивать, вспоминать, анализировать. Хм, и так до сих пор, уж четверть века.

Неразрешимая загадка

Л. Андреев признавался: «Я не сумел бы описать Серова. Описал бы Горького, Шаляпина, любого писателя — Серов невыполним для беллетристического задания! Весь он был для меня неразрешимой загадкой, неразъяснённой и влекущей к себе. Я чув-

ствовал в нём тайну и не находил слов, чтобы разгадать эту тайну». — О какой тайне говорил писатель? Понятно, речь идёт о тайне творчества, о серовских произведениях. В чём же их тайна? Как мне захотелось её разгадать! Не подумайте, ради бога, что я воображаю себя умнее Л. Андреева и сумею-таки найти те слова, которые он не находил. Но почему бы не попробовать, не высказать догадки, предположения? Ежели меня занесёт, вы скажете мне об этом, а когда буду приближаться к истине (ну не смейтесь... как бы приближаться!) и что-то станет более ясным, вместе порадуемся.

Поиски «нечто»

Критик Голушев как-то сказал Серову:

— Я свой портрет вам, пожалуй бы, не заказал.

Серов засмеялся и спросил:

— Почему?

— Да вы, пожалуй, сделали бы такое открытие в моей фигуре, до которого я и сам не доходил, и показали бы меня с такой стороны, что мне после этого и показываться в публику было совестно.

— Да-с... что ж делать? — ответил Серов. — Меня ужасно интересует это нечто, глубоко запрятанное в человеке.

Поиск этого «нечто», глубоко запрятанного в человеке, в природе, обществе, — это и был поиск истины, сущности, и к этому всю жизнь стремился В.А. Серов.

«Мой несравненный друг»

Не будь Фёдора Ивановича Шаляпина, многие будущие знаменитые певцы вовсе бы не увлеклись пением. Шаляпин многим открыл глаза на красоту русской музыки, народной песни. Нам дорога каждая мысль, слово, грамзапись Шаляпина. Каждая его фотография, его портреты. Многие художники писали великого артиста: Репин, К. Коровин, Кустодиев, Головин, А. Исупов и др. Писал Шаляпина и Серов...

Однажды Серов с товарищем ехал на извозчике. Вдруг загремел на всю улицу такой знакомый красавец-бас: «Анто-о-он!» — Не узнать его было невозможно! Но Серов не обернулся, не откликнулся. С тоскою сжавшись, проехал мимо. Только через несколько минут проговорил тихо, с болью: «Шаляпин». Он порвал с ним, резко, непримиримо, хотя любил... любил и обожал как человека, артиста.

Они познакомились в 1897 году в Мамонтовском театре. Шаляпин увидел замечательные серовские декорации, костюмы

Валентин Серов. Портрет
Шаляпина. 1905 г.

к спектаклям. Увлёкся серовской манерой метко схватывать куски жизни, небольшим количеством слов и двумя-тремя жестами дать точное и полное понятие о человеке, форме и содержании произведения искусства. Обратил внимание на молодого певца и Серов. Прослушав в его исполнении какую-нибудь партию, арию, он спрашивал: «Ты понимаешь, что поёшь?» — Это заставляло Шаляпина думать о характере роли, о её сценической интерпретации. Он старался и в жизни, и на сцене быть выразительным, пластичным, как Серов: так Шаляпин проходил школу вокального и сценического искусства. И вскоре он становится выдающимся артистом, певцом, покорявшим зрителей и красотой голоса, и сценическим мастерством. И роль Серова в этом весьма велика.

Серов и Шаляпин были очень дружны. «Мой несравненный друг» — называл художника певец, вспоминал, как часто он и Серов блуждали по невысоким заснеженным московским улицам, часами беседовали о театре, живописи: «Сколько было пережито мною хорошего в обществе Серова!» «Дорогой Антось, — пишет артист, вернувшись с гастролей. — Сделай нерукотворное счастье — прибудь ко мне. Очень соскучился по тебе». — И художник мчался к другу, чтобы послушать его пение, поговорить по душам. «Валентин Серов казался суровым, угрюмым и молчаливым. Вы бы подумали, глядя на него, что ему неохота разговаривать с людьми, — вспоминал Шаляпин. — Да, пожалуй, с виду он такой. Но посмотрели бы вы этого удивительного “сухого” человека, когда он с Константином Коровиным и со мною в деревне отправлялся на рыбную ловлю: какой это сердечный весельчак и как значительно-остроумно каждое его замечание». Таким Серова знали только самые дорогие ему люди.

Валентин Александрович любил писать Шаляпина: сохранилось двадцать работ-портретов, зарисовки, эскизы костюмов

и грима для Шаляпина в роли Олоферна и Варяжского гостя. Среди них лучший — портрет Шаляпина, выполненный углём в 1905 г. Дочь певца И.Ф. Шаляпина вспоминает: «В большом зале, где стоял рояль и где работал отец, Валентин Александрович Серов написал его портрет углём. В этом портрете Серов замечательно передал непосредственность и русскую широту Шаляпина. Отец охотно позировал Валентину Александровичу, а в перерывах, когда они отдыхали, моя мать угощала их чаем».

Вот он, этот портрет! Мимо него не пройдёшь равнодушно: это выдающееся произведение русского искусства! Шаляпин изображён во весь рост, он полон вдохновения, сил, энергии, он словно поёт громовую «Дубинушку». Прав был Фёдор Иванович: каждый серовский «портрет — почти биография». И в шаляпинском портрете можно прочесть всю его жизнь. Шаляпин — человек из народа, такого же могучего, сильного, талантливого. Много досталось ему, походил он по жизни своими ногами, видел трудную жизнь людей, «тяжёлая лапа жизни поцарапала ему шкуру» (Горький). На этого с виду грубоватого, неприступного, много повидавшего человека «откуда-то сверху пролилось дивное дарование» (Голоушев), и талант этот не дал ему пропасть, затеряться. Он «вышел в люди», он высоко поднялся, завоевал вершины искусства.

Портрет Шаляпина был впервые выставлен Серовым в 1906 году на выставках «Союза русских художников» в Москве и «Мира искусства» в Петербурге. Портрет был принят публикой и прессой восторженно! «Великолепный Шаляпин Серова, ещё раз доказывающий всю мощь художника-портретиста, подчеркнувшего во всей фигуре артиста черты гениальной характеристики таланта-самородка», — писал один критик. «Изображённый Серовым Ф.И. Шаляпин стоит как живой. Рисунок безукоризнен. Сходство поразительное», — восхищается другой. Третий считает: «Серов дал в портрете то, что дало возможность Шаляпину сделаться великим художником — душу, большую душу большого артиста». Ещё одно интересное мнение: «Высокий, с выправкой денди, как будто бы с десятого поколения привыкший носить фрак — Шаляпин ни в ком из непосвящённых не вызвал бы сомнения в высокой аристократичности своего происхождения. Есть какая-то аристократическая тайна в этой способности соборного певчего из крестьян превратиться в европейца».

И вдруг меж Шаляпиным и Серовым произошёл разрыв. В 1911 году артист стал невольным участником верноподданнической демонстрации хора Мариинского театра во время представле-

ния оперы «Борис Годунов», на котором присутствовал Николай II. Хористы встали на колени и запели гимн «Боже, царя храни». Вынужден был присесть и Шаляпин, чтобы не торчать колом (при его росте!) на сцене. Газеты живо раздули скандал: вот, мол, Шаляпин, — во главе хора, — стоял на коленях, пел. Бескомпромиссный Серов жестоко осудил своего друга за коленопреклонение, написал ему письмо, скорбно сетовал: «Что это за горе, что даже и ты кончаешь карачками. Постыдился бы». Подобный же упрёк содержится и в послании Горького: «Если бы ты мог понять, как горько и позорно представить тебя, гения! — на коленях перед мерзавцем».

А ведь и это, и это событие предвидел, предсказал Серов в своём портрете Шаляпина! Я снова и снова смотрю на него. Да, талантлив, могуч, красив. И в то же время есть в нём (особенно в лице) что-то двойственное, чувствуется многовековая смиренность народа, стеснительность, что ли... долготерпимость, привычка к безмолвию («народ безмолвствует» Пушкина). Мне кажется, Серов предсказал всю трагическую жизнь Шаляпина: предстоящее в недалёком будущем расставание с родиной, блуждание по далёким странам, шумную славу, известность, богатство, неизлечимую болезнь, страстное желание вернуться в Россию, смерть на чужбине... Ошибаюсь?

Прекратились встречи Серова и Шаляпина, переписка. Напрасно Шаляпин искал возможность объясниться — Серов избегал его. Помирились ли они? И.Ф. Шаляпина, дочь певца, утверждает, что да. Но доказательств нет. А вскоре Серова не стало. «Как ужасно огорчила меня смерть Валентина Александровича Серова, — с тоской пишет Фёдор Иванович дочери. — Какой чудный это был человек, удивительный художник». Согласимся с критиком: «В истории русского портрета серовский портрет Шаляпина всегда будет знаменовать расцвет искусства, а образ Шаляпина сохранится на вечные времена». Хотя сам Серов был недоволен портретом: «Это только часть Шаляпина, а я задумал дать его всего!» (Свидетельство Грабаря.) Собирался писать портрет Шаляпина заново. Не успел.

Кстати, был один нюансик на радость злорадствующим критикам...

«Волшебная ошибка»

Одному приятелю Валентин Александрович то ли в шутку, то ли всерьёз советовал: в картине надо обязательно «что-то подчеркнуть, что-то выбросить, не договорить, а где-то ошибиться: без

ошибки — такая пакость, что глядеть тошно». Придирчивые критики не раз указывали на ошибку Серова в портрете Шаляпина: у него слишком длинная правая нога! Серов, конечно, видел это, но переписывать не стал: «волшебная ошибка» (Мейерхольд) подчеркнула монументальность, могучесть Шаляпина!... Несмотря ни на что, лучшего, любимого друга Валентина Александровича.

Художник и царь

Этот портрет пролежал в запасниках ГТГ свыше 70 лет. Кому-то было нужно скрывать его от нас, кому-то было необходимо, чтобы мы не знали всесторонне творчество Серова: кто-то был убеждён, что это знание не пойдёт на пользу ни нам, ни ему. Хорошо, что ушло в безвозвратное прошлое время, когда такое было возможно. Итак, портрет императора Николая II. Возле него толпа, спорят, негодуют, размышляют. А подумать, действительно, есть о чём.

Царский портрет. Это должно быть, по традиции, что-то внушительное, помпезное, огромное. А тут небольшой поясной портрет сидящего человека в простой одежде без всяких регалий, скорее провинциального капитана, словно сошедшего со страниц повести Куприна. И это государь?!

Известно, как непримиримо относился художник к царю, какие карикатуры на него рисовал, как навсегда разошёлся с Шаляпиным, вставшим на колени перед самодержцем. И вот на тебе — какой портрет царя-батюшки написал. Где же истина? Разберёмся-с... Серов работал по заказам. В 1896 году получил выгодный заказ — написать портреты царской семьи. Весной 1900 года начал работать над портретом Николая II. Видимо, была у художника вначале мысль написать парадный портрет: он искал, переделывал эскизы, портрет не получался. «Однажды он сказал, что сегодня последний сеанс, — вспоминает Ф.Ф. Юсупов. — Николай II, в скромной серой тужурке, сел за стол, положив на него руки... И тут художник схватил и общий облик, и особый взгляд

В.А. Серов.

Портрет Николая II. 1900 г.

царя». Обычно Серов молчал, когда работал над портретами. Но однажды заговорил об участии арестованного С.И. Мамонтова, мецената искусства, друга многих русских художников и артистов. «Все мы — Васнецов, Репин, Поленов — сожалеем о том, что случилось с Саввой Ивановичем», — сказал Серов. Царь ответил, что уже дал распоряжение, и Мамонтов освобождён из тюрьмы; добавил, что Третьяков и Мамонтов много сделали для русского искусства. Серов был растроган и рад несказанно. А в другой раз произошло вот что: в зал вошла царица Александра Фёдоровна, встала за спиной художника, проговорила:

— По-моему, вы не так написали правую сторону лица моего супруга.

Замечание взорвало Серова, он встал и, передавая палитру и кисть, предложил:

— Может, вы сами поправите, ваше императорское величество?

Серов не терпел, когда кто-нибудь рассматривал его незаконченную работу. После этого царица больше не приходила на сеансы. Царь, как ни странно, промолчал.

И вот портрет закончен. Художник изобразил царя простым человеком, оставшимся наедине с собой: он задумался, он, кажется, предвидит всю будущую историю России, за которую он был ответственен и власть над которой скоро так бесславно потеряет. Серов передал заурядность царя, его неспособность руководить огромной страной, даже растерянность его перед этой величайшей ответственностью, волей случая выпавшей на его долю. И царя становится по-человечески жаль, даже проникаешься сочувствием к этому маленькому человеку. «Не в свои сани не садись», — вспоминается хорошая пословица.

Современники высоко оценили серовскую работу. Остроумов: «Одно из лучших произведений Серова». Грабарь находил, что в портрете изумительные глаза: «...Да-да, детски чистые, невинные, добрые глаза. Такие бывают только у палачей и тиранов. Разве не видно в них расстрела девятого января?». Однажды Серов принёс портрет для показа на заседание членов «Мира искусства», пришёл пораньше, в зале ещё никого не было. Он пристроил портрет на стуле таким образом, что руки царя оказались на одном уровне со столом. Сам отошёл в сторонку, наблюдая за реакцией входящих. Первый вошедший остолбенел. Второй сказал: «Здрате, ваше императорское величество!». Третий сорвал с головы шапку. Иллюзия присутствия живого царя была поразительной.

тельна! Серов сделал авторское повторение портрета, оно поступило в Третьяковку. И хорошо, что сделал, потому что дальнейшие события в стране развернулись и против царя, и против серовского портрета.

В октябре 1917 года группа солдат вышла из Зимнего дворца, волоча взятую в спальне царицы картину. Солдаты рвали её штыками, прокололи глаза человеку, изображённому на портрете. Мимо проходили ученики-художники, узнали портрет Николая II и попросили его у солдат: это-де работа знаменитого художника Серова. Её нужно отдать в музей. Солдаты швырнули им картину, и ученики принесли её художнику Нерадовскому. Он сохранил портрет. На выставках демонстрируется его авторское повторение.

События 1905 года — расстрел безоружных людей, зверства казаков — окончательно выветрили из Серова все утопии относительно царя, его милостей. Он видел кровавую бойню, он был так потрясён, что однажды потерял сознание. Серов сделал целый цикл сатирических листов, обличающих царя, его верноподданных убийц, — «Солдатушки, бравы ребятушки...», «Разгон демонстрации казаками в 1905 году». Серов и Поленов подписались под письмом, протестующим против того, что во главе Академии художеств стоит великий князь Владимир Александрович, руководивший расстрелами шедшей к Зимнему дворцу безоружной толпы. В знак протеста оба художника вышли из состава Академии. И после 1905 года Серову поступали заказы на портреты высоких особ царствующего дома, но художник отвечал решительно: «Я в этом доме больше не работаю».

Шедевр кисти Серова

В кресле, опёршись рукой на валик, сидит женщина. У неё красивое одухотворённое лицо с чудными глазами, чёрные волосы. Поражают контрасты этого полотна: синий валик кресла, блеск драгоценностей, палевое платье модели, ярко-красная, словно пропитанная кровью, подушка. Эти контрасты привели в недоумение К. Коровина:

— Эх, Антоша, — сказал он, — дал бы ты мне написать эту подушку, совсем другое было бы дело.

На что Серов, смеясь, ответил:

— Подушку, наверное, я написал хуже тебя, а ты вот мне так лицо напиши. Действительно, лицо написано так, что, посмотрев на него, долго его не забудешь. Кто же изображённая на портре-

те женщина? Какова судьба модели? И почему именно так написал её Серов? О Марии Николаевне Акимовой (Акимьян) «ничего не известно», говорят одни источники, другие утверждают, что «повесть её жизни необычна». Вот некоторые данные о ней. Мария Николаевна родом из небогатой дворянской семьи. В юности познала нужду, лишения. Полюбила студента из разночинцев, и он любил её. Но родители выдали Марию Николаевну за богача-коннозаводчика. Жёну он любил страстно, но ещё больше любил карты, игру.

В.А. Серов. Портрет Акимовой.
1908 г.

И однажды за ночь просадил всё своё состояние. Утром нашли его труп в реке: решил ли проигравшийся искупаться и утонул, или бросился в воду сам, или что ещё похуже... — так и осталось невыясненным. На несчастную вдову хищной стаей набросились кредиторы, ростовщики — и от распродажи городских домов, поместий, заводов мужа ей не досталось ни копейки. Снова нужда, бедность. Через несколько лет Мария Николаевна познакомилась с южным помещиком, человеком умным, любителем искусств, собравшим большую коллекцию произведений русских и зарубежных художников. Красота молодой женщины поразила его, он полюбил её. Но жениться на ней не мог — уже был женат на нелюбимой женщине, за которую взял огромное приданое и в случае развода не получал ничего. Продав несколько полотен из своей коллекции, он выручил немалые деньги и подарил их Марии Николаевне, обеспечив ей вполне сносную жизнь. Они поженились, когда умерла жена помещика.

Серов писал портрет М.А. Акимовой в 1908 году, в тот период, когда все её тревоги и несчастья остались позади, минувшие воспоминания улетели-растворились, как дурной сон. Она была счастлива. Но жить Марии Николаевне оставалось немного: резкие повороты судьбы, переживания, частые болезни сломили её силы. Вскоре она умерла. Видно, с каким увлечением писал Серов

портрет Марии Николаевны. И живописные контрасты на полотне — это словно отражение её тяжёлой, противоречивой судьбы.

В конце 1908 года портрет экспонировался на выставке «Союз русских художников». Он поразил современников: «Голова написана так, как Серову редко удавалось» (Грабарь); «Снова в портрете индивидуальность самого изображённого лица. В бледном личике с чертами грузинского или армянского типа есть что-то, дающее целую повесть о женской жизни» (Голоушев); «За прекрасно написанным лицом, в котором так просто разрешены технические трудности, чувствуется нервная, немного уставшая душа современной женщины. Долго не отходишь от портрета, манит он своей глубиной» (Гуров); «Портрет г-жи Акимовой прямо изумителен по красиво, легко и художественно решённой красочной задаче. Серов — мастер громадного художественного значения, гордость, слава и надежда русского живописного искусства» (Лазаревский); «Это шедевр кисти Серова. На мой взгляд, — лучшее свидетельство постоянного роста этого художника и лучшая, наиболее “радости” дающая вещь всех выставок этого года» (Миклашевский).

Какими же средствами добился такого результата художник? — вопрошает критик. Серов реалистически передаёт то, что видит. Но это реализм, далеко ушедший от «реализма» передвижников: у Серова есть и «толкование» природы, и художественный субъективизм. «Если вы взгляните и вникните в нежную живопись этого лица, вы увидите не только импрессионизм (передача мерцания природы, подчёркивание цветовых контрастов, примат впечатления), вы найдёте и стилизацию в тонах и линиях, подчёркнутое выявление именно этого характера, как он запечатлевается в душе художника. Всё это есть, но всё это применено с таким чувством меры, с изящной скромностью, с подлинным художественным целомудрием, без дешёвых эффектов, без выкриков, без модничанья». Мне очень нравятся слова Миклашевского о реализме, об импрессионизме и стилизации в портрете Акимовой. Серов постоянно шёл вперёд, легко осваивая то, что рождало в искусстве новое время, новые течения в живописи. За портретом Акимовой появились такие полотна, как портреты М. Сарьяна, И.А. Морозова, И. Рубинштейн (как же за них досталось Серову!). Но они не были случайными в творчестве художника: они были закономерными страницами его художественного пути.

Продолжение следует